

Я вовсе не интересуюсь секретами вашей школы. И если я истязая вас все эти дни, то вовсе не ради того, чтобы вытянуть из ваших уст хоть слово...

Произнеся это, Хэ Янься подалась еще ближе к Му Цзышань. Ее губы почти коснулись уха Му Цзышань, а легкое дыхание заставило ту почувствовать неприятный зуд. Не успела Му Цзышань опомниться, как кто-то прихватил ее мочку зубами.

Словно дразня, Хэ Янься легко провела по мочке кончиком языка. Заметив на лице Му Цзышань смесь изумления и гнева, она нашла это зрелище презабавным.

— Я мучаю вас лишь потому, что мне нравится смотреть, как вы страдаете...

Эти слова, прозвучавшие так, будто шепчут нежное признание, вызвали у Му Цзышань невыразимый трепет и омерзение.

Бесцельные истязания ради собственного удовольствия — глядя на чужие муки, эта женщина испытывала радость. Она поистине оправдывала звание жестокосердного и безжалостного демона Культа Демонов, строящего свое счастье на чужом горе. Му Цзышань была не в силах постичь подобный склад ума, а потому, сколь бы ослепительной ни была красота стоящей перед ней женщины, в глазах Му Цзышань та казалась исчадием ада — невыразимо уродливым и зловещим.

Заметив отвращение, застывшее на лице пленницы, Хэ Янься лишь усмехнулась и продолжила:

— Вы с ней — предательницы нашего культа, без суровых пыток вам не обойтись.

Хэ Янься немного отступила назад, но ее холодный смешок все еще доносился совсем близко.

— К тому же, сама знаешь, больше всего на свете я ненаведу предателей.

Ее пальцы скользнули по спине Му Цзышань и внезапно впились в точку на теле. Му Цзышань почувствовала, как острая, свирепая ци хлынула внутрь, пробивая путь по меридианам. В тот же миг дыхание перехватило, в груди вспыхнула резкая боль, к горлу подступила сладкая волна, и изо рта хлынула кровь.

Видя кровь на губах Му Цзышань, ярко-алые следы на фоне мертвенно-бледного лица, Глава дворца Хэ сочла эту картину невыразимо прекрасной.

Му Цзышань поняла, что Хэ Янься только что нажала на точку Синь-шу. Приложи она чуть больше силы, и Му Цзышань, пожалуй, испустила бы дух на месте. Однако та прекрасно умела рассчитывать удар, поэтому воздействие оказалось ровно таким, чтобы не отнять жизнь, но заставить испытать чашу страданий до дна. От этого точечного удара боль стала еще невыносимей, а лицо — еще бледнее.

Она могла бы покончить с ней одним ударом, но предпочитала держать на грани жизни и смерти. Му Цзышань догадывалась: эта дворцовая госпожа Чи не отпустит ее, пока не наиграется вдоволь.

Неужели в мире существуют столь злобные и жестокие люди? Му Цзышань подумала об этом и вдруг рассмеялась. В ее смехе отчетливо слышались презрение и ненависть. Хэ Янься, наблюдая за ней, лишь изогнула губы в игривой улыбке и поинтересовалась, над чем та смеется.

— Ты говоришь, что больше всего ненавидишь предателей. Но я никогда не была тебе верна, о каком же предательстве речь?

Хэ Янься со смешинкой во взоре смотрела на Му Цзышань, храня молчание. Не дожидаясь ответа, Му Цзышань продолжила:

— Кто в этом мире согласится искренне служить такому злодею, как ты? И ты еще смеешь заикаться о предательстве — сущая насмешка!

От этих слов Му Цзышань даже стоявшие вокруг слуги Хэ Янься невольно переменялись в лице.

Имя Хэ Янься — будь то во Дворце Цюньин или в мире Цзянху — наводило ужас почти на каждого, стоило лишь произнести его вслух. Однако те, кто следовал за ней из преданности, либо держались на крючке из-за компромата, либо трепетали перед ее жестокими методами. Каждый прекрасно понимал это положение дел, но еще не находилось смельчаков, которые осмелились бы бросить ей это прямо в лицо, как только что сделала Му Цзышань.

Окружавшие ее подчиненные со страхом косились на госпожу, опасаясь, как бы гнев владычицы не обрушился на их головы. Но, приглядевшись к выражению лица Хэ Янься, они заметили, что та по-прежнему невозмутима — словно Му Цзышань говорила о чем-то постороннем и у нее даже в мыслях не было злиться.

Хэ Янься не гневалась вовсе не из-за своего великодушия — просто ее определение верности слишком сильно отличалось от представлений Му Цзышань. По ее мнению, отношения между людьми неизбежно строились на взаимной выгоде и рычагах давления. Будь то компромат в ее руках или страх перед ее грозной силой — до тех пор, пока эти люди беспрекословно подчиняются приказам и выполняют ее поручения, ей было совершенно все равно, искренни ли их чувства.

Именно поэтому, услышав столь дерзкие слова, Хэ Янься лишь позабавилась, не испытав и тени гнева.

— Разве весь этот мир не держится на взаимной выгоде и мелких расчетах? Если ты и впрямь ждешь от них той самой преданности, о которой говоришь, боюсь, в конце концов тебя ждет незавидный конец.

Слова прозвучали с такой непринужденностью, что даже Му Цзышань не нашлась что ответить.

— А вот твоя младшая сестрица оказалась к тебе на редкость привязана. Узнав, что тебя схватили, она попыталась вернуться и вытащить тебя... Жаль только, ее боевые искусства слишком слабы — не успела она даже приблизиться к твоей темнице, как мои люди скрутили ее.

Взглянув на измученную до полусмерти младшую соученицу, Му Цзышань почувствовала, как сердце пронзила острая боль. Какая же глупая девчонка! Когда она из последних сил отправляла ее прочь, то уже не думала о собственном выживании — зачем же той понадобилось возвращаться и пытаться ее спасти?

— Видя, как глубоки ее чувства к тебе, я решила разделить поровну: половину предназначавшихся тебе плетей отдала ей. Кто же знал, что эта девчонка окажется такой хрупкой.

Эти слова Хэ Янься довели Му Цзышань до предела ярости. Она-то думала, что в последние дни мучители просто потеряли терпение и перестали ее истязать, но оказалось, что все пропущенные ею страдания перепали на долю младшей сестры. От гнева кровь прихлынула к сердцу, и вдобавок к прежней ране, нанесенной свирепой ци Хэ Янься, Му Цзышань снова вырвало кровью.

— Ты... — Му Цзышань задохнулась от гнева, но не смогла подобрать ругательств. Прежде она всегда отличалась молчаливостью и никогда в жизни не участвовала в словесных перепалках, а потому перед лицом языкастой Хэ Янься она кипела от бессильной злости, не находя слов для проклятий.

Увидев, что та молчит, Хэ Янься с улыбкой похлопала ее по щеке и уже собиралась бросить ее здесь и удалиться.

Сделав несколько шагов, она услышала позади исполненное ярости требование: «Стоять!». Обернувшись, она увидела, как один из слуг привязывает Му Цзышань к другому деревянному столбу в глубине помещения. Во взгляде пленницы читалось такое убийственное презрение, какого не выразить словами.

— Что, у тебя еще нашлось что сказать? — Хэ Янься замерла на лестнице, глядя на Му Цзышань свысока, а ее голос звучал холодно, без единой нотки чувств.

— Ты сказала, что наказание, предназначавшееся мне, наполовину приняла она.

Му Цзышань была привязана в самом мрачном и отдаленном углу темницы, где ее фигуру почти целиком скрывала густая тень, но Хэ Янься отчетливо видела пылающий оттуда свирепый взгляд.

Тот, кто смотрит на человека с таким выражением, должно быть, ненавидит его до мозга костей.

— Если я попрошу тебя перенести на меня всё то, что должна была вынести она?

Хэ Янься усмехнулась, словно взвешивая что-то в уме. Подумав пару мгновений, она охотно ответила:

— С какой стати ты воображаешь, будто имеешь право торговаться со мной?

Она и не думала, что эта женщина способна пожертвовать собой ради какой-то девчонки и даже осмелится выдвигать ей условия. Как же сильно она недооценивала ее!

— Неужели ты полагаешь, что в твоём нынешнем положении я стану тебя слушать?

— Я знаю, вы хотите лишь истязать нас напоказ другим... — Внутренние органы Му Цзышань были повреждены, и от прежних слов ранение, казалось, лишь усилилось, но голос ее звучал всё так же твердо. — Я могу держаться из последних сил, снося любые изощренные пытки, и вы сможете показать этим людям, какая участь ждет каждого, кто посмеет предать вас...

— Я прошу лишь об одном: пощади ее и не мучай до самой моей смерти.

Если ценой собственной гибели я смогу подарить ей шанс на выживание, значит, моя жизнь принесет хоть какую-то пользу.

Подумав об этом, Му Цзышань невольно усмехнулась, но ее взгляд померк.

Впрочем, вряд ли им еще представится шанс увидеться вновь.

Хэ Янься встретила взглядом с женщиной, утопавшей в темноте, пытаясь отыскать в ее глазах хоть какой-то смысл, но сколько ни вглядывалась, так ничего и не поняла.

Готова стерпеть любые муки ради чужого облегчения да еще смеет качать права и торговаться — эта пленница и впрямь забавляла ее.

Ей до смерти хотелось посмотреть, как та в конце концов припадет к ее ногам умоляя о пощаде.

— Хорошо, я согласна.

Хэ Янься махнула рукой страже, приказав отвязать Му Цзышань и вернуть ее в прежнюю камеру.

Когда конвоиры вели Му Цзышань мимо, Хэ Янься склонилась к ее уху и прошептала — мягко, но с пугающей жестокостью:

— Раз уж ты сама заговорила об этом, держись изо всех сил. Если ты не доставишь мне удовольствия до конца, ты прекрасно знаешь, что ждет твою драгоценную младшую сестрицу.

Му Цзышань стиснула зубы, не вымолвив ни слова.

— Я обещаю: пока ты жива, я оставлю ей жизнь и больше не стану притеснять.

Хэ Янься озарила лицо лучезарной улыбкой. Помолчав немного, Му Цзышань шумно выдохнула, горько усмехнулась и бросила в ответ:

— Благодарю.

Хэ Янься слегка удивилась, но ничего больше не добавила. Она велела страже увести Му Цзышань, а сама направилась в свои покои отдохнуть.

Напоследок обернувшись, она бросила взгляд на привязанную к столбу младшую соученицу. Видя ее сплошь покрытое ранами тело, Му Цзышань испытывала невыносимую боль в сердце.

Еще до того, как они с сестрой попались в ловушку, Му Цзышань отправила весточку в секту: если они не вернутся до сентября, значит, их захватил Культ Демонов. Младший соученик Чу так дорожил младшей сестрицей, что наверняка не останется в стороне. Оставалось лишь надеяться, что ее тело выдержит до тех пор, пока секта не пришлет людей на выручку. Дворец Цюньин наводил на всех такой ужас не только из-за невероятной, выходящей за все рамки жестокости главы секты, но и благодаря изощренным и жутким пыткам, которые служили для Цзянху — всего мира цзянху — ещё одним источником страха.

В цзянху было прекрасно известно, что Дворцовая госпожа Чи обожает утверждать свой авторитет с помощью жестоких казней. Вот только люди не знали, что эта ужасающая женщина использовала свирепые методы не только для устрашения врагов за пределами секты: к собственным адептам она относилась точно так же. Она регулярно заставляла их присутствовать при исполнении приговоров, а тех, кто посмел провиниться перед ней, мучила так изощренно, что те не могли ни выжить, ни умереть. Это заставляло подчиненных трепетать

перед ней еще сильнее.

С того самого дня, как Му Цзышань заключила сделку с Хэ Янься и заняла место своей младшей соученицы, приняв наказание на себя, Хэ Янься велела перенести её на самое видное высокое возвышение посреди Дворца Цюньин. Мучения продолжались день за днем, но её жителю не давали оборваться, оставляя лишь чуть-чуть дыхания, чтобы все проходящие мимо адепты секты могли видеть, как человек потерял человеческий облик под пытками. Это должно было наглядно показать каждому, сколь плачевен исход для тех, кто посмел оскорбить Дворцовую госпожу Чи.

На теле привязанной к высокому помосту Му Цзышань не осталось ни единого живого места. В первые дни её ежедневно охаживали сотнями плетей, а Порошок Пожирающих Кости Призрачных Муравьев, попадая на кожу, причинял невыносимую боль — тем более ужасную, что отрава забивалась прямо в открытые раны. В последние же дни Хэ Янься приказала принести золотые иглы и вонзать их по одной в самые болезненные акупунктурные точки. Какими бы гордыми и невероятно выносливыми ни былиданные Му Цзышань, она всё равно не могла сдерживать криков от пронизывающей боли.

Разве она не ненавидела эту демоницу? Не было ни единой секунды, когда Му Цзышань не мечтала разорвать ту на десять тысяч кусков. Но сейчас она была на это не способна; более того, даже простая смерть превратилась для неё в недоступную роскошь. Ей оставалось лишь держаться из последних сил и тянуть время, пока секта не пришлет людей на спасение, — только так младшая соученица могла благополучно покинуть это проклятое место. Му Цзышань даже боялась представить, каким пыткам подвергнут ту, если она сама умрет первой.

Хэ Янься приходила взглянуть на её мучения каждый божий день. И всякий раз, когда Му Цзышань не в силах была сдержать крик от боли, на лице мучительницы расцветала злорадная улыбка. Это лишь усиливало отвращение Му Цзышань, разжигая в её сердце всё более яростное желание стереть эту женщину в порошок.

Му Цзышань уже просила Хэ Янься позволить ей хотя бы взглянуть на младшую соученицу — лишь затем, чтобы убедиться, что их уговор соблюдается. Хэ Янься согласилась и даже позволила ей увидеть, что младшая соученица действительно просто заперта в комнате и ни в чем не нуждается, получая лучшую еду и питье. Вот только Хэ Янься позволила взглянуть на неё лишь издалека, не дав Му Цзышань ни единого шанса перемолвиться с девочкой хотя бы словом. Хэ Янься тоже спрашивала её, стоит ли вообще эта ненужная боль и страдания ради кого-то другого.

Му Цзышань не ответила, лишь мысленно подсчитывая, сколько дней осталось до назначенного срока встречи с учителем.

Сама Хэ Янься не ведала, в какой именно момент начала так пристально следить за этой женщиной. Она стала присматриваться к членам Культа Демонов с того самого дня, как заподозрила предательство. Вот только Му Цзышань тогда скрывалась столь искусно, что Хэ Янься поначалу даже не обратила внимания на эту незаметную, лишённую всякого высокомерия рядовую адептку, оказавшуюся столь любопытной личностью.

Сразившись с ней, она обнаружила, что её боевое мастерство превосходно: та даже будучи тяжело раненной сумела выстоять против неё в стольких поединках. Естественно, позволить столь сильному человеку просто так умереть было нельзя. Что же до шпионажа, Хэ Янься об этом почти не беспокоилась: тайны Дворца Цюньин не ведали даже те старые адепты, что следовали за ней долгие годы, не говоря уже о новичках вроде неё.

А та гордость, что светилась на дне её глаз, нравилась Хэ Янься до безумия.

Правда, чем более гордым был человек, тем сильнее Хэ Янься жаждала жестоко растоптать его, желая увидеть, как та молит о пощаде у её ног.

Жаль только, что уже больше месяца пыток не принесли никаких результатов — это поистине досадно. Её вид, словно она изо всех сил ищет смерти, тоже порядком раздражал: подумать только, она оказалась совершенно бессильна перед какой-то девчонкой.

Однако отступать при виде препятствий никогда не было в стиле Хэ Янься.

В прошлый раз та женщина отчаянно защищала свою младшую соученицу, помогая той бежать. Должно быть, эта младшая сестра значила для неё очень многое. Похоже, она была человеком, ценящим верность и преданность. Интересно, как она отреагирует, если использовать её соученицу для проверки?

На самом деле младшую соученицу Му Цзышань Хэ Янься схватила уже давно. Когда Му Цзышань велела младшей сестре бежать в одиночку, та, судя по всему, была уже готова к смерти, лишь бы позволить ей уйти со спокойной душой, и наказала как можно скорее вернуться к учителю за подмогой. Однако не успела младшая соученица отойти далеко, как в ближайшей чайной услышала весть о том, что Глава дворца Цюньин приказала казнить шпионку. Забыв обо всём, она уже не думала возвращаться за подмогой, страшась, что если уйдёт, то навсегда разлучится со старшей сестрой. Хэ Янься применила старый трюк, оставив брешь в обороне, чтобы Лян Цзиньюэ сама попала в ловушку. Та наивно полагала, что улучила момент спасти старшую сестру, но вместо этого затянула в сети и себя. Правда, истязать эту младшую соученицу было донельзя скучно: кожа у неё нежная, а тело слабое — не выдержав и пары ударов кнутом, она лишилась чувств.

Поначалу Хэ Янься вовсе не собиралась использовать эту девушку, чтобы держать на крючке ту другую.

Если бы для того, чтобы заставить кого-то склонить голову, пришлось прибегать к силе постороннего человека, удовлетворение от триумфа в итоге померкло бы. Однако она никак не ожидала, что в конце концов ей всё же придётся вытащить младшую соученицу.

А вот Му Цзышань оказалась куда выносливее: её тело было крепче, чем у той девочки, к тому же она, движимая непокоренной гордостью, стойко перенесла бесчисленные жестокие пытки, не издав от начала и до конца ни единой мольбы о пощаде.

Это поистине забавляло Хэ Янься.

Правда, и та женщина вовсе не была столь несокрушимой, какой казалась. Хэ Янься тайком

наблюдала за ней, когда отсылала всех прочь: оставаясь в одиночестве, она порой позволяла себе выказать слабость и усталость. Быть может, она лишь пыталась поддерживать перед всеми призрачную иллюзию стойкости, но отчаяние и боль, что тайком проступали в её глазах, обмануть не могли.

Поэтому оценка Хэ Янься сменилась: от глухой к любым уговорам и упрямой до мозга костей до несчастной женщины, которая скорее умрет, чем уронит достоинство.

Видя, с каким презрением та смотрит на неё, Хэ Янься страстно желала растоптать и сокрушить всю её гордость. Но стоило ей заметить это отчаянное и хрупкое выражение лица, как её сердце почему-то смягчалось, и ей хотелось одарить пленницу чем-то ещё.

Подобные чувства казались ей крайне запутанными.

Сама того не заметив, Хэ Янься всё больше внимания уделяла этой женщине.

Однако разбираться в этих странных, прежде неведомых чувствах Хэ Янься не желала и тратить на них время не собиралась.

Му Цзышань в последние дни уже начала погружаться в забытость, но приближающиеся шаги заставили её собрать воедино остатки концентрации.

Женщина была облачена в вызывающе-алые одежды, иссиня-чёрные, подобные туши, волосы рассыпались по плечам, кожа сияла белизной, превосходя снег, а сама она была так прекрасна, будто сошла с картины. И всё же Му Цзышань на уровне рефлексов испытала приступ отвращения.

Стоило этой женщине появиться, как палачи начинали усердствовать куда сильнее. Её раны за эти дни то затягивались, то вновь расходились, и она раз за разом балансировала на краю безумия, держась на плаву лишь благодаря пилюлям, поддерживающим жизнь, которые давала Хэ Янься, да собственной силе воли.

Когда Хэ Янься подошла к ней, на её лице играла улыбка, в которой сквозила даже некая нежность. Впрочем, Му Цзышань прекрасно знала: чем мягче выражает себя Хэ Янься, тем более страшная участь ждёт тех, кто смеет ей перечить.

— Ты держишься до сих пор — я даже начинаю восхищаться тобой.

Заметив приближение Хэ Янься, Му Цзышань с отвращением отвернулась, не желая смотреть на неё. Но Хэ Янься, словно желая добавить ей мучений, двумя пальцами ухватила пленницу за подбородок, заставляя поднять взгляд и встретиться с ней глазами, а другой рукой провела по её лбу, убирая пряди, закрывавшие лицо.

После стольких дней истязаний лицо оставалось единственным местом на теле Му Цзышань, не тронутым ранами. Неизвестно, о чём думала Хэ Янься, но, отдавая приказы подчиненным о том, как именно пытать пленницу, она специально оговорила одно условие: во время наказания нельзя было задевать её лицо. Му Цзышань доводилось слышать слухи о Хэ Янься — будто та всегда благоволила людям с привлекательной внешностью. Говорили, что однажды, мстя кровным врагам, она подвергла самого страшного наказания того, кто задал ей вопрос: почему именно он? На что Хэ Янься выдала ответ: да потому, что ты безобразнее всех.

Му Цзышань никак не ожидала, что эта привычка сохранится даже по отношению к узнице. Наверное, та опасалась оскорбить свой взор, а потому и выдвинула подчиненным такое требование. Подручные же исполняли каждое её слово как высочайший указ, смертельно боясь разгневать главу дворца малейшей оплошностью, ведь за этим неизбежно последовала бы страшная кара.

Му Цзышань ничего не ответила на слова Хэ Янься, лишь холодно фыркнула, но от пережитых пыток она была настолько истощена, что в этом звуке не осталось ни капли сил.

Порой Му Цзышань невольно думала: если бы её лицо однажды действительно обезобразили, возможно, ей пришлось бы реже видеть эту великую демоницу. С её-то манией прекрасного, стоило ей узреть уродливую физиономию, она наверняка постаралась бы смотреть как можно реже. И если бы всё обернулось именно так, на душе у неё, пожалуй, стало бы чуть легче.

— Только вот твой задор ни капельки не угас...

Хэ Янься легко усмехнулась. Её рука протянулась к железным цепям, на которых висела Му Цзышань, ключ в пальцах едва слышно повернулся в замке, раздался щелчок — и железо разомкнулось. Цепи упали, и лишённая опоры Му Цзышань почти рухнула, но Хэ Янься лишь чуть подалась вперёд, принимая её в свои объятия.

<http://bllate.org/book/21760/2250241>